

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut

WELCOME TO THE MONKEY HOUSE:

A Collection of Short Works

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73

Добро пожаловать в обезьянник : [сборник : перевод с английского] / Курт Воннегут. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-121237-7

Курт Воннегут — один из величайших писателей XX века. Его произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы, проникнуты незаурядным юмором и едкой иронией. Фантастика и гротеск в них виртуозно переплетены с реальностью, что и делает их неизменно острыми и актуальными.

Авторский сборник «Добро пожаловать в обезьянник», — великолепная коллекция рассказов, впервые опубликованных под одной обложкой в 1968 году. «Долгая прогулка в вечность», «Вся королевская конница», «ЭПИ-КАК», «Доклад об эффекте Барнхауза» — эти удивительные истории даже спустя столетия воспринимаются так же свежо и ярко. Любовь и война. Маленькое личное счастье и огромное «счастье на всех». Одиночество в толпе и свобода. Эти темы будут вечно волновать человечество — до тех пор, пока существует мир.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut Jr., 1950, 1951, 1953, 1954, 1955, 1956, 1958, 1960, 1961, 1962, 1964, 1966, 1968.
All rights reserved

Школа перевода В. Баканова, 2020

ISBN 978-5-17-121237-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящается Ноксу Бергеру.
На десять дней меня старше,
он стал мне прекрасным отцом.*

*Остерегайтесь всех дел,
требующих нового платья*.*

Г. Торо

* Пер. З. Александрова.

ОТ АВТОРА

Итак, перед вами ретроспектива рассказов Курта Воннегута, хотя сам Воннегут еще жив и, между прочим, пишет эти строки. В Германии есть речушка под названием Вонна — от нее и пошло мое диковинное имя.

Я пишу с 1949 года. Я самоучка и не выдумал ни одной складной теории о своем ремесле, чтобы помочь другим людям научиться писать. Взявшись за перо, я просто становлюсь тем, кем вроде бы должен становиться. Во мне шесть футов два дюйма росту, вешу я примерно двести фунтов и очень неуклюж (только плаваю хорошо). Вот эта брменная плоть, представьте себе, и пишет книги.

Впрочем, в воде я прекрасен.

Мой отец и дед работали архитекторами в Индианаполисе, Индиана, — там я и родился. У дедушки со стороны матери была собственная пивоварня. На Парижской выставке он получил за свое пиво (сорт назывался «Либер лагер») золотую медаль. Секретным ингредиентом был кофе.

Мой единственный брат — на восемь лет старше меня — выдающийся ученый. Он изучает физику туч

© Перевод. Екатерина Романова, 2012.

и облаков. Зовут его Бернард, и у него отменное чувство юмора, куда лучше моего. Помню, после рождения первенца, Питера, он написал мне письмо, которое начиналось такими словами: «Вот сижу и оттираю какашки со всего, что попадается под руку».

Моя единственная сестра — старше меня на пять лет — умерла сорокалетней. Тоже выше шести футов ростом (примерно на ангстрем), она была божеественно красива не только под водой, но и на суше. Она была скульптором. Крестили ее Алисой, но она всю жизнь отрицала, что это ее настоящее имя. Я соглашался. Все соглашались. Когда-нибудь — во сне, быть может, — я узнаю, как ее звали по-настоящему.

Перед смертью она сказала: «Уже не больно». По моему, лучше перед смертью не скажешь. Мою сестру убил рак.

Недавно я осознал, что темы всех моих романов можно свести к этим вот самым словам: «Сижу и оттираю какашки» и «Уже не больно». А в этой книге собраны образцы моей писанины, которые я продавал, чтобы как-то прокормиться и писать романы. Вот они, плоды свободного предпринимательства.

Раньше я работал специалистом по связям с общественностью в «Дженерал электрик», а потом стал свободным художником и писал «легкое чтиво» — главным образом научную фантастику. Сделался ли я от этого лучше, судить не берусь — спрошу у Господа в Судный день (и заодно узнаю, как же звали мою сестрицу).

Это запросто может случиться уже в следующую среду.

Я успел спросить об этом одного университетского профессора, когда тот залезал в свой спортивный

«мерседес-бенц-гран-туризмо». Он ответил, что работать специалистом по связям с общественностью и писать легкое чтение — одинаково скверно, ведь и то и другое означает поступаться истиной ради денег.

Я спросил его, какой литературный жанр достоин наибольшего презрения, и он без колебаний сказал: «Научная фантастика». Тогда я спросил, куда он так торопится, и ответ был: «Опаздываю на реактивный самолет». Наутро он собирался выступать с докладом для Ассоциации современного языковедения в Гонолулу. А до Гонолулу было добрых три тысячи миль.

Моя сестра очень много курила. Мой отец очень много курил. И мать. И сам я курю до ужаса много. Брат тоже смолил без конца, а потом вдруг бросил, и это настоящее чудо из разряда библейских.

Однажды на коктейльной вечеринке ко мне подошла девушка и спросила:

— Чем вы теперь занимаетесь?

— Убиваюсь сигаретами, — ответил я.

Она сочла мой ответ смешным. Я — нет. Мне показалось, это ужасно — настолько не любить жизнь, чтобы каждый день травиться канцерогенными палочками. Курю я одну марку: «Pall Mall». Настоящие самоубийцы называют их «Полл-Молл». Дилетанты — «Пэлл-Мэлл».

У меня есть родственник, который втайне от всех пишет историю нашей семьи. Однажды, показывая мне черновики, он сказал про моего деда-архитектора: «Он умер молодым, после сорока. И по-моему, рад был наконец вырваться из всего этого». Под «этим» родственник имел в виду Индианаполис, но дедов страх перед жизнью, видно, передался и мне.

Министерство здравоохранения ни за что не признается, почему американцы так много курят. Все просто: курение — относительно верный и относительно благородный способ покончить с собой.

Стыд мне и позор за то, что когда-то я тоже хотел «вырваться», — больше не хочу. У меня шестеро детей, трое собственных и трое достались от сестры. Все они прекрасно устроились в жизни. Мой первый брак удался — и до сих пор меня радует. Моя жена все еще очень красива.

Вообще-то я ни разу не видел, чтобы у писателей были некрасивые жены.

В честь нашего удачного союза включаю в сборник отвратительно приторную любовную историйку, написанную для «Дамского журнала», где ее озаглавили — прости, Господи! — «Долгой прогулкой в вечность». Помнится, я-то называл ее иначе: «Черт знает что такое».

В ней описан один день, выпавший нам с будущей женой. Позор, позор! — в моей жизни действительно было место историям из женского журнала.

Как-то раз в «Нью-Йоркер» про мою книгу «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» написали следующее: «Не роман, а сплошное самовлюбленное зубоскальство». Возможно, с этой книгой вышло иначе. А возможно, читателю лучше сразу вообразить меня девицей с рекламного плаката «Уайт-рок», которая присела на камень в одной ночной сорочке и не то высматривает пескариков в озере, не то любит собственным отражением.

ГДЕ Я ЖИВУ

Однажды в здание старейшей американской библиотеки — библиотеки Стерджеса в Барнстейбл-Виллидж, что на северном берегу Кейп-Кода, — заглянул один коммивояжер, торгующий энциклопедиями. Ознакомившись с каталогом, он обратил внимание озабоченного библиотекаря на то, что самые современные справочные издания в нем — это «Британника» 1938 года и «Американа» 1910-го. А ведь с 38-го года случилось немало важного: изобрели пенициллин, Гитлер вторгся в Польшу и так далее.

Коммивояжеру посоветовали выразить свое недоумение руководству библиотеки, даже продиктовали имена и адреса. В списке значились господа Кабо, Лоуэлл, Киттредж и другие. Библиотекарь намекнула, что ему, возможно, удастся поймать всех директоров разом: они обычно собираются в Барнстейблском яхт-клубе. Едва не сломав шею на ухабах — призванных, видимо, охладить пыл лихачей и по возможности их уничтожать, — коммивояжер спустился по узкой дороге к яхт-клубу.

Ему очень хотелось мартини, но он не знал, обслуживают ли в баре посторонних. Вскоре коммивояже-

© Перевод. Екатерина Романова, 2012.

ру открылось ужасное зрелище: яхт-клуб представлял собой ветхий сарай шириной четырнадцать футов и тридцать длиной — эдакий кусочек Озарка в Мас-сачусетсе. Внутри стоял рассохшийся до неприличия стол для пинг-понга, плетеная корзина для потерянных вещей с вонючим пропыленным содержимым да несчастное пианино, несколько лет подряд служившее тазом для сбора воды с прохудившейся крыши.

Ни бара, ни телефона, ни электричества. Да и членов клуба нигде не было видно. Вдобавок в гавани не осталось ни капли воды: знаменитые кейп-кодские волны, достигающие порой четырнадцати футов в высоту, сгнули с отливом и возвращаться, по-видимому, не собирались. Так называемые «яхты» — древние дощатые «Род-18», «биттлкэт» и парочка «бостон-уэйлер» — лежали в синевато-коричневой жиже на дне гавани. Над жижей вопили и хлопали крыльями чайки с крачками, безудержно радуясь каждой новой лакомой находке.

Были там и люди: несколько человек выкапывали огромных, с куропатку, моллюсков из песка Санди-Нек — косы длиной десять миль, отделяющей гавань от ледяного залива. Утки, гуси, цапли и всевозможные водоплавающие копошились в большом соленом болоте с западной стороны гавани. А у самого входа в гавань лежал на боку шестифутовый марблхедский ял, дожидавшийся возвращения воды. С таким килем ему вообще не стоило подходить к здешним берегам.

Равнодушный к окружающим природным красотам и буйству жизни, коммивояжер окончательно пал духом и поплелся обедать. Поскольку судьба привела его в самый процветающий округ Новой Англии — округ Барнстейбл — и поскольку процветал он исключительно за счет туристов, коммивояжер

рассчитывал на относительное изобилие ресторанов и закусовых в округе, но вынужден был довольствоваться хромированным стулом у пластиковой стойки крайне безобразного и даже близко не колониального заведения под названием «Универсальный магазин Барнстейбла» — еще один кусочек Озарка, озаркский универмаг. Девиз магазина звучал так: «Все хорошее — у нас. Все плохое мы уже продали».

После обеда коммивояжер вновь отправился на поиски руководства библиотеки. На сей раз его направили в деревенский музей, расположенный в старом кирпичном здании таможни. Здание это — памятник давно минувшей эпохи, когда гавань еще не была заполнена синевато-коричневой жижей и в нее заходили нормальных размеров суда. В музее директоров не оказалось, а экспозиции навевали смертельную тоску. Коммивояжер почувствовал, как его душист апатия — хворь, поражающая едва ли не каждого случайного посетителя Барнстейбл-Виллидж.

Чтобы излечиться от нее, надо прыгнуть в машину и с ревом умчаться навстречу коктейльным барам, мотелям, кегельбанам, сувенирным лавкам и пиццериям Хайаннис-Порта — коммерческого сердца Кейп-Кода. Именно так наш коммивояжер и поступил. В Хайаннисе он попробовал развеять тоску на поле для мини-гольфа, которое называлось «Страна развлечений». В ту пору оно обладало весьма досадной особенностью, характерной для всего южного побережья Кейп-Кода: его разбили на лужайке, где когда-то помещался пост Американского легиона, и прямо среди изящных мостиков и посыпанных пробковой крошкой дорожек громоздился танк «шерман» — памятник ветеранам Второй мировой.

Памятник потом убрали, но он по-прежнему стоит на южном побережье, где рано или поздно попадет в окружение новых оскорбительных гнусностей.

Честь танка осталась бы незапятнанной в Барнстейбл-Виллидж, но деревня наотрез отказалась его принимать. Это у деревни такая политика: никогда ни с чем не соглашаться. В результате перемены в Барнстейбле происходят не чаще, чем меняются шахматные правила.

Самая большая за последние годы перемена коснулась избирательных участков. Еще шесть лет назад наблюдателями на выборах и со стороны демократов, и со стороны республиканцев были одни только республиканцы. Теперь же от демократов приходят свои наблюдатели. Впрочем, последствия этого чудовищного переворота не так чудовищны, как можно предположить, — до поры до времени.

Еще одно нововведение коснулось казначейства местного драмкружка — «Барнстейблского клуба юмористов». Казначей, который на протяжении тридцати лет злобно отказывался сообщить членам клуба, сколько денег они скопили (опасаясь, что те немедленно все растратят), в прошлом году ушел на пенсию, и новый казначей наконец объявил баланс: четыреста долларов с небольшим. Их в самом деле тут же потратили на покупку нового занавеса цвета тухлого лосося. Мертвецкая шторка в конце концов предстала на суд зрителей в день премьеры «Трибунала над бунтовщиком с «Кейна»». В новой постановке капитан Куигг уже не крутил в руке стальные шарик — их упразднили за непристойностью намека.

Другая важная перемена случилась около шести-десяти лет назад, когда вдруг выяснилось, что тунец съедобен. Раньше барнстейблские рыбаки называли

его «конской макрелью» и громко ругались, заведя в сетях эту рыбу. Продолжая ругаться, они рубили ее на куски и выбрасывали обратно — в назидание остальным тунцам. Из отваги или просто-напросто глупости тунец никуда не ушел и в результате стал гвоздем Барнстейблского тунцового фестиваля, на который — к вящему удивлению поселян — съезжаются рыбаки со всего Восточного побережья. Ни один из них ни разу ничего не поймал.

Есть еще одно открытие, которое жителям Барнстейбл-Виллидж только предстоит сделать: употребление в пищу мидий не приводит к мгновенной смерти. Барнстейблская гавань местами забита ими под завязку, но никто их и пальцем не трогает. Причиной такой неприязни, впрочем, может быть изобилие других деликатесов, значительно более простых в приготовлении: полосатого окуня и венерок. Чтобы добыть последних, достаточно сразу после отлива ковырнуть песок в любом приглянувшемся месте. Чтобы поймать окуня, нужно поднять глаза к небу, найти живой конус из морских птиц и закинуть удочку в то место, где вершина конуса соприкасается с водой, — там-то и кормятся окуни.

Что еще сулит будущее: нескольким кейп-кодским деревушкам, возможно, удастся пережить алчную пору туристического бума и не потерять души. Г. Л. Менкен однажды сказал: «Никому и никогда еще не удавалось преувеличить вульгарность американского народа». Судя по огромным состояниям, которые сколачиваются на этой вульгарности, великий журналист был прав. Но душа Барнстейбл-Виллидж, быть может, уцелеет.

Во-первых, это не туристическая деревня, где все сдается, а половина домов зимой пустует. Большинст-

во местных живут здесь круглый год — и это не пенсионеры, почти все они работают: плотниками, продавцами, каменщиками, архитекторами, учителями, писателями и кем угодно. Это бесклассовое общество, временами чересчур любвеобильное и сентиментальное.

Их дома — изъеденные термитами и плесенью, но вполне готовые простоять еще столетие-другое — строятся вплотную друг к другу вдоль Мейн-стрит с конца Гражданской войны. Строительным компаниям попросту негде творить здесь свои бесчинства во благо экономики страны. На западе простирается обманчиво зеленый луг, но это соленое болото, синевато-коричневая жижа, прикрытая ковриком спартины. Именно «соленое сено», кстати, в 1639-м привлекло сюда переселенцев из Плимута. На болоте, затканном глубокими ручьями, по которым можно пройти на небольшой лодке, ни один нормальный человек ничего строить не станет. С каждым приливом оно целиком уходит под воду, а во время отлива выдерживает разве что вес человека и его собаки, не больше.

Застройщики и коммерсанты однажды задумали окультурить Санди-Нек — тонкую длинную косу живописных дюн, что окаймляет гавань с севера. Дюны эти украшены весьма причудливым лесом: мертвыми деревьями, которые сперва задушил песок, а потом вновь обнажил ветер. Внешний пляж — практических применений ему не счесть — мог бы красотой своей затмить пляжи Акапулько. Как ни удивительно, здесь есть даже пресная вода. Но местные власти, слава богу, выкупили весь Санди-Нек, кроме самого кончика у входа в гавань, и хотят разбить тут общественный парк — а значит, окультуривание здешним землям не светит.

На кончике косы, не выкупленном властями, расположилось крохотное поселение — домики теснятся вокруг заброшенного маяка, в далекие времена указывавшего путь большим судам, что входили в гавань и выходили из нее. До разбитой, выбеленной солнцем и морским ветром дереvушки можно добраться только на лодке или вездеходе. Там нет ни электричества, ни телефонных линий, но зато она расположена меньше чем в миле от Барнстейбл-Виллидж — эдакий частный курорт для местных жителей.

Весь этот очаровательный, старомодный, слегка ксенофобский деревенский шарм вполне объяснял бы гордое звание «последнего оплота истинных кейпкодцев», если бы не одно «но»: среди жителей Барнстейбл-Виллидж почти не осталось тех, кто родился на Кейп-Коде. Как окаменелое дерево образуется из минералов, постепенно заменяющих собой органику, так и современный окаменелый Барнстейбл-Виллидж населен людьми из Эванстона, Луисвилла, Бостона, Питсбурга и бог знает откуда еще, постепенно заменяющими коренных деревенских янки.

Если б истинные кейпкодцы восстали из могил на церковном погосте, сбросили красивые резные надгробия и посетили собрание Барнстейблского гражданского общества, они бы, несомненно, одобрили происходящее. Любое предложение, вынесенное на суд этой организации, яростно обсуждается и отвергается — лишь раз все единодушно проголосовали за покупку новой сирены для кареты «скорой помощи». Сирена делает «биип-биип-биип» вместо «врррр» и слышна на расстоянии трех миль.

В библиотеке, кстати, есть теперь и новая «Британника», и «Американа» — приобретения эти ничего не стоили руководству, ведь деньги лезут у них из